

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВАЛЕЕВ
Эмиль Наильевич

**Г.П. Каменев в
историко-литературном процессе
конца XVIII – начала XIX века**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

КАЗАНЬ
2001

**Работа выполнена на кафедре литературы
Елабужского государственного педагогического института**

- Научный руководитель** – кандидат филологических наук,
доцент **РАЗЖИВИН А.И.**
- Официальные оппоненты** – доктор филологических наук,
САХАРОВ В.И.
– кандидат филологических наук,
доцент **САФИУЛЛИН Я.Г.**
- Ведущая организация** – Казанский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится 5 сентября 2001 г. в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д. 212.081.14. по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Казанском государственном университете: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35 (2-й учебный корпус), ауд. 1013.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (Казань, ул. Кремлевская, 35).

Автореферат разослан «___» _____ 2001 г.

Ученый секретарь

диссертационного Совета

кандидат филологических наук,
доцент

Козырева М.А.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000034122

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе речь идет о необходимости возвращения в историко-литературный процесс имени забытого русского поэта, писателя, переводчика рубежа XVIII–XIX столетий Гавриила Петровича Каменева (1772–1803). С течением времени становится очевидным, что каждый художник вносит посильную лепту в формирование национальной культуры. Разумеется, Каменев заслуживает того, чтобы о нем помнили и писали потомки, т.к. его диалог с эпохой послужил краеугольным камнем для формирования в русской литературе сентиментализма и особенно романтизма, о чем замечательно сказал А.С. Пушкин.

Корифей русской литературы не случайно заинтересовался Каменевым, хотя к тридцатым годам XIX столетия он был почти забытым поэтом. Оценка Пушкина создала Каменеву репутацию «первого русского романтика», предвдвигавшего «Громвалом» баллады Жуковского, что, в свою очередь, стало причиной более или менее внимательного изучения художественного и эпистолярного наследия Каменева, его жизненной и творческой судьбы.

Художественное творчество Каменева – уникальное явление периода рубежа XVIII–XIX веков, показательно отразившее плодотворный диалог традиций и новаторства, творческий синтез различных методов и направлений и вписавшееся в широкое предромантическое движение в русской литературе. Представитель казанского «литературного гнезда», он стал действительным членом петербургского «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», был замечен ведущими литераторами того времени Карамзиным, Дмитриевым, Жуковским. В собственном опыте эстетического освоения жизни явился личностью российского масштаба.

Между тем, к серьезному изучению поэтического феномена Г.П. Каменева после биографической работы Е.А. Боброва (1903 г.) и очерка И.Н. Розанова (1914 г.) отечественная наука обратилась лишь в последнее время (работы В.Э. Вацура, В.Г. Аристов, Р.М. Лазарчук, польского исследователя Л. Суханека). Новый всплеск интереса к Каменеву вызвала научная конференция, посвященная

225- летию со дня рождения писателя (Казань, 1997 г.). Нельзя недооценить вклад В.Н. Орлова, который в 1935 году собрал воедино и опубликовал стихотворения поэтов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», в том числе и произведения Каменева.

Актуальность исследования связана с общей значимостью оригинального и переводного поэтического и эпистолярного наследия Г.П. Каменева в контексте эволюции отечественной и европейской культуры и литературы рубежа XVIII–XIX веков и обусловлена следующими фактами:

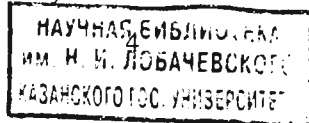
- показательным синтезом ведущих литературных направлений XVIII века: классицизма, но более сентиментализма и предромантизма, что объяснялось переходной эпохой в русской литературе. В творчестве Каменева разрушалась инерция старых литературных форм и появлялись новаторские начинания, подводящие его к романтической эстетике и романтическим жанрам;

- широтой литературной «школы» Каменева от поэтов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» до Г.Р. Державина, М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева;

- уникальным сочетанием отечественных и западно-европейских литературных традиций (Коцебу, Грей, Юнг, Козегартен) в творчестве поэта;

- своеобразным диалогом культурных российских центров с периферийными «литературными гнездами».

Научная новизна работы определяется тем, что впервые в монографической форме представлены жизнь и литературная деятельность Г.П. Каменева, поэта, чье творчество вписывается в широкое предромантическое движение в русской литературе. Изучение каменевского наследия расширяет наши представления о русском предромантизме. Исследование логики художественного творчества Каменева, эволюции его художественного мышления, новаторских начинаний в тематике, поэтике, жанрах позволило воссоздать колоритный образ казанского поэта, который стоял у истоков художественных открытий главы романтической школы – В.А. Жуковского.

Целью исследования является выявление значения и места Каменева в историко-литературном процессе конца XVIII – начала XIX века. Этой целью обусловлен круг задач:

- воссоздать научную биографию поэта;
- проследить своеобразие и особенности развития лирических, лироэпических и прозаических жанров в творчестве Каменева;
- раскрыть значение эпистолярного наследия писателя в контексте эпистолярных жанров эпохи;
- раскрыть вклад Каменева в синтез русской и европейской культур через его переводческую деятельность;
- раскрыть динамику диалога поэта с литературными традициями и новациями своего времени.

Теоретическая и методологическая база исследования. Методологические установки работы основаны на традиционном историко-культурном подходе к литературе, где сочетается опыт русского классического литературоведения с опытом крупнейших ученых современности – М.М. Бахтина, Г.А. Гуковского, Г.П. Макогоненко, Ю.М. Лотмана, В.А. Занадова. В работе использованы элементы хроникально-биографического и сравнительно-типологического методов исследования, принцип системного и целостного анализа художественных произведений.

Материал диссертации составляют сочинения Г.П. Каменева, биографические данные и критическая литература о нем, периодика, справочная информация. Особое место среди источников занимают архивные документы, которые впервые вводятся в научный оборот: это ответ Н.И. Второва на рецензию в «Литературной газете», хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, материалы и рукопись книги о Каменеве Г.М. Залкина – в Российском государственном архиве литературы и искусства, письма поэта С.А. Москотильникову, которые находятся в Отделе рукописей Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, машинопись комментариев Е.А. Боброва к письмам, хранящаяся в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, документы архива Н.Я. Агафонова в Отделе рукописей и редких

книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета и многие другие.

Практическое значение диссертации определяется тем, что в активный научный оборот вводится имя писателя Каменева, незаслуженно недооцененного как современниками, так и в последующие эпохи, вплоть до настоящего времени. Материалы работы и сделанные в ней выводы могут быть использованы в курсах истории русской литературы XVIII – первой трети XIX веков, в курсах литературного и исторического краеведения, при подготовке спецкурсов по русскому предромантизму на филологических факультетах вузов, при издании полного собрания сочинений Г.П. Каменева.

Апробация работы осуществлена в 6 публикациях, в выступлениях на научных конференциях: «Российская провинция: история и современность» (1998 г., Елабуга), «Поэт действительности: к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина» (1999 г., Елабуга), «Проблемы синтеза в русской и европейской культуре» (2000 г., Москва).

Структура диссертации определяется целью и логикой исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка основной использованной литературы и неопубликованных документов (источников) и приложений, куда вошли: 1) краткая летопись жизни и творчества Г.П. Каменева; 2) библиография произведений Г.П. Каменева и литературы о нем.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении аргументируется выбор темы, ее актуальность, научная новизна, формулируются задачи, теоретическая и практическая ценность, обозначена методологическая основа и структура работы. Здесь же приводится обзор публикаций о творчестве Г.П. Каменева и дается оценка наметившихся в них подходов к изучению наследия писателя.

Глава первая «Пунктиры биографии» выступает своеобразным введением в исследование, где преследуется цель создания научной биографии поэта и показа полноценного бытования провинциального художника в историко–культурном контексте своего времени.

По архивным документам восстановлено родословное древо купцов Каменевых, где родился будущий писатель. Привилегированный немецкий пансион для дворянских детей привил Каменеву отнюдь не купеческую, а дворянскую ментальность. Он прекрасно освоил немецкий язык и воспитался как будущий художник на сентиментально-романтической литературе Запада. Становление его как литератора происходило под влиянием С.Геснера, Э.Юнга, с одной стороны, с другой – он творчески осваивал опыт отечественных писателей – Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, А.И. Тургенева, с которыми неоднократно общался.

Важной вехой в короткой творческой жизни Каменева является связь с либерально-демократическим петербургским «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств», куда поэт был принят в нарушение устава не корреспондентом, как все иногородние писатели, а действительным членом. Факт членства в обществе был признанием таланта молодого писателя и содействовал публикации лучших произведений его в популярных журналах и альманахах: «Муза», «Иппокрена или утехы любителей», «Новости русской литературы».

Огромное значение в творческой жизни Каменева имело общение с писателями казанского «литературного гнезда» С.А. Москотильниковым, И.И. Чернявским, Н.С. Арцыбашевым и др. Через Москотильникова у Каменева завязываются тесные связи с московскими и петербургскими писателями, журналистами, видными масонами – М.Г. Спиридовым и И.В. Лопухиным. Последний сблизил его с директором университета И.П. Тургеневым и его тремя сыновьями. На почве любви к немецкой литературе Каменев близко сошелся со старшим сыном Тургенева Андреем, который страстно увлекался Гете, Шиллером, Шписом, Коцебу.

Дружеские отношения Каменева с элитой московской интеллигенции лягут в основу писем казанского путешественника – своеобразных художественно-публицистических произведений.

Глава вторая «Творческий путь Г.П. Каменева» раскрывает творческую эволюцию писателя и состоит из трех разделов. Его литературное творчество находится в преддверии русского романтизма. Казанским поэтом были намечены тенденции. полу-

чившие развитие в романтической литературе: интерес к готике, классицизм, автобиографизм лирики, в которой на первый план выходят глубокие эмоциональные переживания субъекта, стремление к запредельному, уходящему, разработка жанров баллады, элегии и др.

В первом разделе «Элегия – от одических традиций к поэзии чувств» прослеживается формирование медитативной элегии с этической проблематикой, в которой поднимались вопросы о месте человека в социальном мире, в природе, о смысле жизни, о человеческой морали.

Если первые лирические произведения можно считать подступами к романтической элегии, то в стихотворениях «К П.С.Л.Р.», «Кладбище» (1796) задолго до «Сельского кладбища» Жуковского (1802) поэт обозначил важную особенность будущих элегий русских романтиков: меланхолические размышления о жизни и смерти, раздумья о превратностях судьбы, поиски нравственной опоры в высокой морали.

Этические поиски Каменева связаны с осмыслением земных скитаний человека, который неумолимо приближается к своей кончине. Он делает в жизни много ошибок: тешит тщеславие, раболепствует перед сильными мира, не внимает голосу страждущего и лишь перед смертью осознает тщетность своих эгоистических побуждений. Элегический герой Каменева будит чувство читателя и призывает к постоянному нравственному самоусовершенствованию. В основе своей этическая позиция автора христианская, хотя Каменев нигде не демонстрирует своих религиозных воззрений. Она нашла своеобразное преломление в авторской морали: истина – в добродетели, терпении, человеколюбии.

Наиболее яркие образцы элегической поэзии созданы им в последние полтора года («На новый 1802 год. К друзьям», «Хижицы»). Культ дружбы как высшей ценности в тревожном мире ведущая тема этих стихотворений, которая разрабатывается в традициях Грея. Явно выраженного соответствия элегий Каменева со стихотворениями Грея, как это будет у Жуковского, нет. Речь может идти о типологических совпадениях. Традиционная для ранней романтической поэзии тема – смерть юноши – была

обусловлена и литературной традицией, и биографией поэта. Элегический герой Каменева, как будущий герой «Сельского кладбища» Жуковского, пытается представить жизнь без себя и в самом факте ухода ищет просветленное начало, ибо заканчиваются земные страдания, на которые обречен человек, и впереди – свет иного мира и благодарная память друзей.

Г.П. Каменеву не удалось достичь утонченного психологизма главы элегического романтизма В.А. Жуковского, но направление художественных исканий было выбрано верно. Ни один лирический жанр не соответствовал потребностям романтической эпохи так полно и разносторонне, как элегия, и у истоков этого жанра стоял Г.П. Каменев. Именно элегия вскоре после Каменева, да и одновременно с ним в творчестве А.И. Тургенева, предоставит широчайшие возможности для художественного исследования глубин человеческой души, тонких, противоречивых явлений эмоционального мира человека и его мирозерцания.

В центре внимания *второго раздела* главы «На пути к балладе» – самое известное произведение Каменева «Громвал».

В статье «Г.П. Каменев и В.А. Жуковский» профессор Е.А. Бобров говорит, что о Каменеве в основном вспоминают как об авторе «Громвала», связывая с данным произведением зарождение русских национальных баллад да и романтической поэзии вообще; ученый утверждает, что об этом произведении нужно помнить хотя бы потому, что оно послужило одним из образцов А.С. Пушкину при написании поэмы «Руслан и Людмила»¹.

«Громвал» Каменева – явление переходного порядка. Баллада явно формировалась на почве русской предромантической поэмы. Ко времени ее написания широкий резонанс в литературных кругах получили поэмы «Илья Муромец» Н.М. Карамзина (1795), «Добрыня» Н.А. Львова (1796), «Бова» А.Н. Радищева (1799), «Алеша Попович», «Чурила Пленкович» Н.А. Радищева (1801). В это же время над знаменитой «Бахарианой» ра-

¹ Бобров Е.А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий // Изв. отдел. рус. языка и словесности Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 320-334.

ботает старейшина литературы М.М. Херасков. Эти сказочно-богатырские поэмы низвергали старые классицистические формы и имели в себе зародыш почти всех новейших литературных явлений: с одной стороны, интерес к готике, европейскому средневековью, экзотике рыцарства, эстетическим категориям «ужасного», «таинственного», что обнаружится позднее в русской балладе, с другой – освоение народно-поэтического опыта, славянской (языческой) мифологии, которая приходила на смену мифологии античной, внимание к отечественной старине, что приведет позже к постановке проблем народности и историзма в русской литературе. Ценность этих произведений определяется тем, что опыт писателей предшествовал теоретическому осмыслению проблем народности литературы, в дискуссии о которой примут участие Г.Р. Державин, С.Н. Глинка, А.И. Тургенев, А.Ф. Мерзляков, Н.И. Гнедич, А.С. Шишков.

Сюжетно «Громвал» Каменева связан с незавершенным «Ильей Муромцем» Карамзина, с поэмами Радищева-сына и с будущим «Русланом и Людмилой» Пушкина. Достаточно провести параллели Громвал – Руслан, Рогнеда – Людмила, Зломар – Черномор, Добрада – Наина, Гигант – Голова, чтобы убедиться в этом. Соединение Громвала со своей возлюбленной произойдет после испытаний, выпавших на их долю. При этом испытания ниспосланы волшебными, полумифическими существами. Автор использует сюжетные узлы волшебной сказки, связанные с освобождением похищенной или околдованной злыми силами красавицы. Подобные сюжеты зафиксированы в сборниках А.Н. Афанасьева, Д.К. Зеленина, братьев Соколовых.

Каменева в «Громвале» привлек средневековый мир, сопутствуемый баснословием, время благородной простоты людей и подлинных чувств. Мифология, вера в чудеса, колдовские чары и другие сверхъестественные явления отражали самобытность мировосприятия русского средневекового человека. «Громвал» воссоздавал воображаемый, идеальный мир мечты и фантазии, где герои борются со злом и побеждают, где любовь и доблесть ставятся превыше всего, где царят высокие нравственные и этические понятия.

Г.П. Каменев, несомненно, был на пути к созданию совершенно нового для русской литературы жанра литературной баллады. Более ранний опыт М.Н. Муравьева («Неверность», 1781) автором не осмыслился как баллада, хотя балладные признаки были налицо: мрачные картины, нагнетание «страшного», вмешательство добрых и злых сил в судьбу действующих лиц, ночные пейзажи, тень девы, столь типичные для европейской баллады и баллад Жуковского. Каменев предугадывает другой вариант жанра и придает своему произведению национальный колорит. Он и в безрифменном «русском стихе», что усиливало «народный» характер произведения, родившегося, вероятно, в результате споров о путях создания национальной литературы или как отклик на напечатанные в 1780 году «Русские сказки» В.А. Левшина, и в сказочно-богатырском сюжете, и в использовании славянской мифологии: Зимцерла – утренняя заря, освещающая путь героя, Зиланты – крылатые змеи, образ которых пришел из старинной казанской летописи, Перун – верховный языческий бог, с которым сравнивается герой.

К началу XIX века в складывающейся балладной традиции вычленились два тематических вида:

– народная баллада, обратившаяся к наследию русского фольклора («Неверность» М.Н. Муравьева, «Ермак» И.И. Дмитриева, «Царь – девица» Г.Р. Державина, «Светлана» В.А. Жуковского и другие)

– баллада рыцарская, впитывавшая наряду с национальными источниками опыт европейской культуры. У истоков этого типа баллад стоял «Громвал» Г.П. Каменева. В русле этой традиции несколько ранее работали Н.М. Карамзин («Граф Гваринос»), М.Н. Муравьев («Болеслав, король польский»); позднее к рыцарским балладам обратится В.А. Жуковский («Рыцарь Тогенбург», «Кубок», «Перчатка» и другие).

«Громвал» Каменева представляет собой ранний этап развития романтической баллады, ее предромантическую фазу, предшествующую непосредственно рождению этого жанра, связанного с личностью В.А. Жуковского. Не только «Громвал» позволил отнести Каменева к поэтам предромантизма, но и лири-

ческие произведения, которые сегодня незаслуженно обходят стороной в трудах, посвященных изучению данного этапа русской литературы.

В третьем разделе «Трансформация повести» исследуются оригинальные прозаические произведения Каменева. В исторической повести «Громобой» он интуитивно шел по пути поиска новых направлений в русской литературе. Сама попытка обращения к истории древней Руси чрезвычайно примечательна.

У истоков русской исторической повести стоят два имени: Г.П.Каменев и М.Н. Муравьев. Они практически одновременно и независимо друг от друга создали типологически близкие повести на материале русской истории с оссианическим колоритом¹. Почти одновременно с ними (в 1803 году) к исторической прозе обращается Жуковский и обрабатывает легенду о Вадиме, предводителе новгородцев, восставших против Рюрика. В жанре исторической повести работает В.Т. Нарезный. «Рогвольд» (1798) и «Славенские вечера» (1809) написаны на летописно-былинных сюжетах, прославлявшие героическое прошлое народа. «Рогнеда, или разорение Полоцка» Н.С. Арцыбашева (1804), «Предслава и Добрыня» К.Н. Батюшкова (1810) стоят в одном тематическом и стилистическом ряду с «Громобоем» Г.П. Каменева. Попытка оживить историю в художественной форме была знаменем времени. Каменевская повесть представляет собой патриотическое произведение, по форме приближающееся к сказанию, соединившему в себе лирическое начало с торжественной героикой. Произведение написано патетическим языком, призванным передать очарование легендарного времени, о котором в нем говорится. Нельзя сказать, что «Громобой» обладает подлинной исторической характерностью, проникновением в нравы и быт древней эпохи. Историзм Каменева, как и других названных авторов, можно определить как предромантический. Предромантики вплотную подошли к принципам художественного отображения прошлого, но не создали ни одного образца подлинно-

¹ Обе повести – «Громобой» Каменева и «Оскольд» Муравьева – создаются не позднее 1796 года, хотя вторая опубликована после смерти автора в 1810 году.

исторической повести. Не изображение исторического процесса, а лишь отдельных сцен истории, не объяснение событий, а любование стариной характеризуют историзм предромантических повестей. Повесть Каменева стоит у истоков русской исторической прозы. Опыт автора скромнен, но симптоматичен. Несмотря на то, что в повести немало «классической» условности, она уже всецело лежала в русле утверждающегося в литературе нового романтического направления.

Сентиментальная повесть Г.П. Каменева «Софья» пронизана романтическими элементами. Сильные страсти, ярко нарисованные характеры, неожиданные повороты сюжета характерны для нес. В портретных характеристиках героев, в идиллическом описании места действия автор явно придерживается сентиментальной традиции.

В романтических тонах дает Каменев пейзажные зарисовки: заброшенная хижина с «разломанной кровлей, окна без ставен и стекол», на тропинке перед хижинкой «лежит гранитный камень, обросший серо-желтым мхом...», «Унылый горный ветер свистит сквозь расщелявшуюся избу», редкий прохожий «цепенеет от ужаса». Каменев использует контрасты не только характеров (Софья, Иван – Евгений), но и контрасты цвета (одетый во все белое седой старец на фоне черной ночи).

В сюжете повести очень своеобразно переплетаются романтические и сентиментальные элементы, показывающие достаточно тонкую интуицию Каменева – прозаика, намечавшего новые пути русской литературы.

Небольшой рассказ «Инна» является одной из вариаций «Бедной Лизы» Карамзина. Несомненна типологическая общность и сюжетное сходство «Бедной Лизы» и «Инны» Каменева. Рассказчик у Карамзина любил гулять в окрестностях Москвы, на горе возле Симонова монастыря, откуда открывается панорама древней столицы, где он предается горестным размышлениям о бренности человеческой жизни: «Часто прихожу на сие место; почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря. между гробов. заросших высокой

травую, и в темных переходах келий». И далес он говорит «о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы», которая, как и Инна, всем сердцем полюбила молодого дворянина Эраста и поплатилась своей жизнью за это.

«Софья» и «Инна» Каменева, с одной стороны, находятся в потоке массовой сентиментальной прозы, с другой – привлекают внимание остро очерченным рисунком, смело намеченными образами, напряженностью сюжета. Опубликованные на исходе сентиментализма, они обнаруживают приметы романтической поэтики. Следуя логике чувств, герои проявляют себя самым неожиданным, порою неразумным с точки зрения здоровой мысли образом, но тем не менее чувственно мотивированно. Двухчастная композиция (рассказ в рассказе) предоставляет простор для использования сюжетных ходов и поворотов, завязок и развязок. Писатель начинает отходить от привычного следования «образцам» и допускает много романтического «своеволия». Преимущественное внимание уделяется изображению не столько чувств, сколько страстей. Насыщенный эмоциями пейзаж отражает драматизм и даже трагизм событий в жизни героев, заметен и местный (волжский, казанский) колорит изображаемых им картин.

Повести Каменева, как и его современников А.И. Клушина, В.В. Измайлова, Я.А. Галинковского, Н.А. Львова, свидетельствовали о трансформации жанра. Генетически во многом связанные с сентиментализмом, они отразили предромантические веяния в литературе рубежа XVIII–XIX веков.

В третьей главе «Эпистолярное наследие Г.П. Каменева – живая картина духовной жизни эпохи» в центре внимания находятся письма казанского путешественника другу и брату по перу Москотильникову периода двух поездок в Москву.

Подходить к письмам Г.П. Каменева как к явлению биографического порядка (как это было сделано М.П. Погодиным) или рассматривать их с точки зрения фактографии литературной и в целом культурной жизни Москвы рубежа веков (что отмечено критиками В.Г. Белинским и Н.Г. Чернышевским) – значит исключить их из устойчивой литературной традиции. Приступая к письмам периода первого пребывания в Москве. Каменев едва

ли сам предполагал, что через полтора года они явятся типологическим аналогом «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина и будут построены по законам художественного текста. Влияние писем Карамзина на эпистолярную прозу Каменева несомненно. Молодой писатель учитывал также и европейский опыт – «Сентиментальное путешествие» Стерна и «Путешествие в Италию» Дюпати. Именно эти писатели разработали структуру жанра, где соединяются картины реального мира, в котором находится путешествующий герой, с субъективно-лирическим отношением к нему.

Эпистолярный Каменев своеобразно циклируется в «Письма казанского путешественника». Если Н.М. Карамзин открывает для широкого русского читателя Запад, его культуру, философию, литературу, то провинциальный поэт знакомит периферию с Москвой, куда в конце XVIII века перемещается литературный центр, герои его писем – Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.М. Херасков, И.П. Тургенев и его сыновья, В.В. Измайлов, А.Ф. Мерзляков, издатель «Иппокрены» П.А. Сохацкий. Он передает другу впечатления о театральной жизни столицы, рассказывает о материальных памятниках культуры (Симонов, Донской монастыри, дом Пашкова, Кремль), о московских нравах, дает пейзажные зарисовки, размышляет о литературе, задумывается об узнанном новом.

Письма казанского вояжера периода второго пребывания в Москве обретают тематическую и художественную ценность, которая обусловлена не столько документальностью, сколько другой особенностью их – лирической стихией, образом автора. Адресат узнавал, что радовало путешественника, что огорчало, что вызывало симпатии и что пугало и отталкивало. Это личное отношение нашло отражение в стиле: автор иногда ироничен, иногда чувствителен, иногда деловит. Сказанное роднит его с путешественником Карамзина. И все-таки, казанский житель иной. Он представляет собой ранне-романтический тип литературного героя, трагически воспринимающего мир. Автор писем одновременно Каменев, ибо он отправляет их адресату, в отличие от Карамзина, писавшего свои «Письма» не во время путе-

пешствия, а позднее, будучи в Москве, и одновременно не Каменев, а литературный персонаж юнгианско-греевского типа, живущий по литературным образцам. Это как бы лирический герой элегий Каменева, перешедший в художественное произведение эпистолярного жанра. Потому так легко прослеживаются тематические параллели между письмами и элегиями поэта, сходство лирических мотивов, общая эмоциональная тональность, меланхолически грустная, «гипохондрическая». Как будущие романтики, Каменев делает попытку разрушить грани между искусством и действительностью.

Письма, повести, поэзия, переводы Каменева рисуют трагическую картину мира, они пронизаны тревожным ощущением непрочности бытия, бесприютности героя, философией пессимизма. Большинство посланий имеют двухчастную композицию. На первом плане рассказ об увиденном, узанном, сюжетные зарисовки, представляющие собой своеобразные «жизненные документы», и второй пласт – лирический, где высвечивается внутренний, философствующий герой, вобравший в себя мятежные искания романтика. Это своеобразные вставные новеллы, тематически близкие к элегиям Каменева: «В Москве, в море существ счастливых, где каждое творение имеет нечто, чем оно дышит, имеет надежды, которыми питается, где каждая душа сливается с другою ей подобною..., там брожу я, с печалию на лице, с госкою в сердце, брожу и не слышу ни одного человека, которому бы мог, пожав руку, сказать: я страдаю. Нет счастья для души, когда оно не в ней».

Следует заметить, что тематика некоторых элегий Каменева выкристаллизовывалась именно в эпистолярном жанре. Так, стихотворение «Вечер 14 июня 1801 года» представляет собой аналог письма осени 1801 года. Вспоминая о Казани, он пишет: «Если бы я и окончил там печальную жизнь мою под тению рощи, покоился бы в объятиях общей нашей матери. И когда весеннее солнце вызвало бы жителей города в приятное место монастыря Кизического, когда молодая травка начала бы опущать камень на моей могиле, тогда – о мысль утешительная! – тогда теплая слеза друга канула бы на безмолвное вместилище моего праха!» (с. 138, 139).

Подобное происходило оттого, что вставные новеллы Каменева психологичны и образны, построены по законам лирического жанра. Они выражают его настроение и душевные движения.

Повышенная эмоциональность, характеризующая авторское изложение, свидетельствует о том, что преобладающий в письмах является сентиментальная манера повествования с обилием инверсий, анафор, риторических вопросов и восклицаний, с повышенной образностью и с сентиментальными клише.

Однако сентиментально-чувствительная струя порой обогащается романтическими символами. Монастырь, развалины замка, гробницы, крест, камень свидетельствуют о тленности всего земного. Символика цвета отражает трагическое мироощущение поэта – кроваво-красное небо, червлёная заря, мертвенно-серый цвет безжизненного камня, темно-малиновый бархат гробов. Лирические миниатюры в письмах Каменева близки к «готическим» жанрам предромантизма эстетикой ужасов, введением таинственного элемента, общим колоритом средневековья.

Стилистика бытовых тем иная. Приемы сентиментально-романтического стиля исчезают, речь автора приобретает черты делovitости, фразы строятся без украшений. Авторская цель заключается не в том, чтобы поделиться с читателем своими впечатлениями, а в том, чтобы наиболее объективно отразить жизненные факты.

Письма казанского путешественника – художественно-документальные произведения, где скрестились различные влияния. Это сентиментально-предромантическая лирика Юнга, Томсона, Макферсона, Грея, с одной стороны, с другой – жанр путешествий, получивший широкое развитие во второй половине XVIII века у Стерна, Дюпати, Карамзина, Радищева. Каменевские письма явились значимым фактом в развитии литературы рубежа веков. Они свидетельствовали о том, как в недрах сентиментализма пробивались ростки нового литературного направления – романтизма.

Глава четвертая посвящена переводческой деятельности Г.П.Каменева.

Русская предромантическая литература рубежа XVIII–XIX

веков развивалась и обогащалась в широком международном общении. Переходный от классицизма к романтизму период характеризуется необычайным интересом к западноевропейским литературам, из которых русские писатели брали то, что было необходимо и полезно для развития свободного художественного творчества, отнюдь не замыкавшегося в узких рамках «подражаний» или «ученичества». Качество новизны и глубина своеобразия национальной литературы во многом зависели от взаимодействия русской литературы с литературами европейскими.

Проблема синтеза культур, обозначенная в эстетике предромантизма прежде всего Карамзиным, реализовывалась Каменевым в двух аспектах: в творческом освоении опыта европейских писателей и в переводах. Первый аспект воплощен им преимущественно в лирике. Поэзия Э.Юнга, Дж.Макферсона, Т.Грея, С.Геснера своеобразно преломилась в творчестве Каменева и легла на почву сентиментально-романтического мировосприятия казанского поэта.

Лирических переводов у Каменева немного: это «Утренняя песнь» («Morgenlied» Геснера), «Смерть Авеля» («Meccia» Клопштока в переложении Геснера), «Мысли пьяного астронома» и «Желание спокойствия» («Gedanken eines betrunkenen Sternsehers» и «Sehnsucht nach Ruhe» Клейста).

Лирические стихи обуславливали большую степень свободы перевода сравнительно с переводной прозой. Каменев воссоздавал не столько конкретное произведение, сколько его эстетический идеал. Поэтому, как впоследствии у Жуковского, его стихотворные переводы воспринимаются как произведения, принадлежащие в большей мере переводчику, нежели переводимому автору. Характерно, что в публикациях XVIII – начала XIX веков стихотворные переводы публиковали, как правило, за подписью переводчика и только в заглавии мог быть указан оригинальный автор. Необходимость встать вровень с передовыми европейскими литературами побуждала к активному усвоению их достижений, к творческому пересозданию их на русской почве.

Активный творческий процесс усвоения всегда начинается с момента отбора произведений для перевода. Этот отбор выде-

ляет в творчестве переводимых авторов те стороны, которые русский поэт включает в мир своей поэзии. Это С. Геснер – швейцарский поэт, из которого переводили и Каменев, и Карамзин. В свое время Геснер считался звездой первой величины и назывался немецким Феокрытом.

Другим любимым поэтом Каменева был «певец весны» Клейст. Им увлекался и Карамзин, как видно из «Писем русского путешественника». Эвальд Христиан фон Клейст был дядей известного впоследствии поэта и драматурга Генриха Клейста. Поэт-воин Э. Клейст воспринимался Каменевым как фигура романтическая.

Прозой Каменев переводит по большей части из Августа Коцебу, писателя, который был популярен в России, особенно драмами, которые заполняли одно время русскую сцену. Молодой Андрей Тургенев разделял увлечение Каменева и трудился над переводами его пьес. Романы и повести Коцебу по преимуществу носили сентиментальный характер.

Романтический элемент находил Каменев в сочинениях Шписа. Христиан Генрих Шпис, которого часто упоминает Каменев в своих письмах, был бродячим актером и поэтом при разных театральных труппах. По мнению немецких критиков, он обладал удивительным талантом изображения «ужасного» и в этом отношении являлся одним из видных представителей романтических прозаиков.

Романтическую повесть находит Каменев у Козегартена. Людвиг-Готхард Козегартен – ректор городской школы, позднее пастор на древнеславянском острове Рюген, доктор богословия, профессор истории писал очень много в стихах и прозе.

Казанский поэт переводит в основном с немецкого. С французского известен лишь один перевод «*Historiettes du jour*» Пьера-Жана Нугаре, весьма плодовитого писателя (написано более 100 томов), но не отличавшегося изяществом стиля. В своих эстетических взглядах он эволюционировал от классицизма к сентиментализму.

Как видим, Каменев не переводит корифеев западно-европейской литературы. Он как будто нарочито выбирает имена малоизвестные, но привлекающие своими романтическими судьбами:

поэт–воин (Клейст), поэт–пастор, историк (Козегартен), опальный писатель Коцебу, погибающий впоследствии от руки фанатика, сумасшедший поэт Шпис, мятущийся от знамен революции к знаменам империи Бонапарта писатель Нугаре.

Часть переводов Каменева не содержит указаний имен авторов оригинала. Попытки Боброва определить авторство ни к чему не привели. Это закономерно, поскольку в XVIII веке в Европе еще сохранялась традиция анонимности автора. Поэтому у Каменева встречаем лишь указания, с какого языка произведения переведены.

Переводные повести Каменева весьма разнообразны по содержанию, но чаще всего переводчик выбирает сюжеты романтические. Это истории любви героев, которые проходят через ошибки, заблуждения. Иногда в них встречается реальная мотивация поступков и переживаний, но преобладают ситуации исключительные и драматические (Нугаре, Коцебу, «Эдальвина» Козегартена, анонимная «Флориса»). Другие отмечены средневековым колоритом, с героями – рыцарями, с готическими пейзажами («Ритогар и Ванда» Козегартена, анонимные «Аделаида Бургундская» и «Ралунки, или разбойники»). Третьи имеют социальную конкретность – изображают тип игрока (анонимная «Рамиер, или самоубийца») или «женевского гражданина» Ж.–Ж.Руссо (анонимный «Отрывок из журнала одного путешественника»). Социально–психологической типизации в повестях нет.

У Каменева не реальные характеры людей, а романтическое воплощение какого–либо одного нравственного принципа. Субъективная правда рассказа обретает у него правду предания.

Оригинальная и переводная проза Каменева практически не исследовалась. Поэтому в истории литературы был сформирован вполне однозначный и статичный образ кладбищенского поэта юнгианско–греевского типа с сильно выраженным биографическим элементом, предваряющего открытия Жуковского в жанре баллады и элегии. Скорее, то была романтическая маска, легко ложившаяся на биографию поэта и истолкованная в свое время Бобровым и Второвым слишком буквально.

Каменев был более многогранным писателем и поэтом. сто-

явшим в общем предромантическом движении русской литературы у истоков многих романтических открытий и в области жанров, и в области тем, и в поэтике, и в эстетике. К сожалению, таланту его не было дано раскрыться в полной мере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята первая попытка целостного монографического анализа художественного наследия Г.П. Каменева – незаслуженно преданного забвению талантливый поэт, прозаик, переводчик.

Разумеется, невозможно в первой работе о нем дать полную и всеобъемлющую характеристику поэзии, прозы, эпистолярия и переводов. Представляется важной сама попытка возвращения имени писателя в историко–литературный процесс, так как открываются новые перспективы спокойного и глубокого изучения, хоть и небольшого по объему, но многообразного творческого наследия Каменева. Время позволяет трезво взглянуть на произведения писателя и объективно оценить их.

В перспективе представляется необходимым изучение, как два типа мирозерцания – «дворянское» и «купеческое» – уживаются в судьбе и творчестве казанского художника. Несмотря на категорический отказ Каменева от «купеческого» в повседневной и творческой жизни, сословное происхождение накладывает неизгладимый отпечаток на характер человека, поэтому попытки «выломиться» из своей среды (и не только у Каменева) вряд ли можно считать успешными. Но это тема специального исследования.

Весьма серьезной и плодотворной может оказаться тема «Г.П.Камнев и казанское литературное гнездо», где есть возможность на конкретных примерах показать эволюцию творчества провинциальных писателей в их тесной взаимосвязи. Дружба Каменева с Москотильниковым, попытки издания собственного литературного сборника, вхождение целой группой в литературное «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» – это белые пятна, прояснение которых позволило бы по-новому увидеть многие явления литературной и культурной жизни России конца XVIII – начала XIX века.

Изучение художественных методов и направлений той эпохи даст возможность объективно оценить место Каменева в литературном процессе своего времени. Пестрая и многообразная картина литературной жизни той поры в полной мере может быть показана через каменевское творчество, где причудливо сочетаются элементы уходящего в историю классицизма, с новаторскими началами сентиментализма и романтизма.

Все перечисленное позволяет говорить о серьезном вкладе Г.П.Каменева в развитие русской литературы эпохи. и специалисты не вправе игнорировать его художественный опыт. В работе восполняется значительный пробел в историко-литературном процессе рубежа XVIII–XIX веков.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

1. Казанский поэт Г.П. Каменев // Российская провинция: история и современность. Материалы студенческой научной краеведческой конференции ВУЗов Поволжья и Приуралья. Елабуга, 1998. С. 58–59.
2. Каменев в оценке Пушкина // Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Елабуга, 1999. С. 24–26.
3. Повесть Г.П. Каменева «Софья» // В поисках ответов: Сб. трудов молодых ученых. Вып. 2. Елабуга, 2000. С. 50–52.
4. Автор поэтической «картины старины». Гаврила Каменев // Казань, 2001. № 2. С. 88–90.
5. Элегия в творчестве Г.П. Каменева // Пространство и время в литературе: Тезисы и материалы международной конференции лингвистов. 6–8 февраля 2001 г. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. С. 5–15.
6. Западно-европейские традиции в предромантической поэзии Г.П.Каменева // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Тезисы научно-практической конференции, посвященной памяти А.Ф. Лосева. М., 2001. С. 109–110.

Валеев Эмиль Наилевич

**Г.П. Каменев в историко–литературном процессе
конца XVIII – начала XIX века**

Редакционно-издательский комплекс ЕГПИ

Лиц. № 0317 от 20.10.2000

Формат 60х90 1/16. Тираж 100 экз. Заказ № _____

2-